

ОДИН

Дождь той весной лил как из ведра, грохотал по крышам. Вода просачивалась в мельчайшие трещины, размывала прочнейшие фундаменты. Земляные пласты, годами лежавшие незыблемо, сползли, точно кучи шлака, на дороги, увлекая за собой дома, автомобили и бассейны. Деревья падали, обрывая линии электропередач, и вся округа сидела без света. Реки выходили из берегов, заливали дворы, разоряли дома. Те, кто любил друг друга, то и дело ругались, вспыхивали ссоры, а вода все прибывала, и ливень не утихал.

Лени тоже все злило. В школе она была новенькой, всем чужой — девушкой с расчесанными на ровный пробор длинными прямыми волосами, которая ходит в школу одна, поскольку друзей у нее нет.

Она сидела на кровати, подтянув худые колени к плоской груди. Рядом валялась открытая книга в мягкой обложке, «Обитатели холмов»*; уголки потрепанных страниц загибались. Сквозь тонкие стены Лени слышала, как мама говорит: «Эрнт, милый, ну пожалуйста, не надо. Послушай...» — и сердитый ответ отца: «Оставь ты меня в покое».

Опять они за свое. Ругаются. Орут. Еще немного, и мама разрыдается.

Такая погода будит в папе худшее.

Лени взглянула на часы у кровати. Если она не выйдет сейчас, опоздает в школу, а привлекать к себе внимание куда противнее, чем быть новенькой. Она это испытала на своей шкуре:

* «Обитатели холмов» (*Watership Down*) — роман-сказка Ричарда Адамса. — *Здесь и далее примеч. перев.*

за последние четыре года Лени сменила пять школ, и нигде ей не удалось стать своей, но она все равно не теряла надежды. Лени глубоко вздохнула, вытянула ноги и соскользнула с кровати. Прокралась к двери, прошла по коридору и остановилась на пороге кухни.

— Черт подери, Кора, — произнес отец, — ты прекрасно знаешь, каково мне.

Мама шагнула к нему, протянула руку.

— Тебе нужна помощь, милый. Ты ни в чем не виноват. Эти твои кошмары...

Лени кашлянула, чтобы привлечь их внимание.

— Привет, — сказала она.

Отец взглянул на нее, тяжело вздохнул и отошел от мамы. Вид у него был измученный и жалкий.

— М-мне в школу пора, — пояснила Лени.

Мама выудила из нагрудного кармана розового платья, какое носили официантки, пачку сигарет. Лицо ее осунулось от усталости: вчера мама работала в вечернюю смену, сегодня ей выходить в обед.

— Иди-иди, а то опоздаешь.

Голос у мамы был нежный, спокойный. Мягкий, как она сама.

Лени боялась и остаться дома, и уйти. Странно — или, скорее, глупо, — но ей частенько казалось, будто она единственный взрослый в семье. Балласт, без которого ветхая скрипучая лодка Олбрайтов неминуемо даст крен. Мама беспрестанно «искала себя». Что она только не перепробовала: посещала ЭСТ-тренинги*, занятия по раскрытию человеческого потенциала, всевозможные духовные практики, ходила в унитарийскую церковь**. Даже буддизм исповедовала. И везде хватала по верхам — усваивала лишь то, что ей подходило. Чаще всего, думала Лени, дальше футболок и афоризмов дело не заходило. Что-нибудь в духе «Что есть, то есть, а чего нет, того нет». Толку от всего этого было чуть.

— Иди, — сказал папа.

* Семинары групповой психотерапии, разработанные Вернером Эрхардом.

** Унитарийство — движение в протестантизме, отвергающее догмат Троицы.

Лени схватила со стула рюкзак и вышла. Когда за ней хлопнула дверь, Лени услышала, что родители снова ругаются.

«Черт подери, Кора...»

«Эрнт, ну пожалуйста, послушай меня...»

А ведь когда-то все было иначе. По крайней мере, так говорила мама. До войны они были счастливы. Они тогда жили в трейлерном парке в Кенте, у папы была хорошая работа механика, а мама все время смеялась и танцевала под «Частичку моего сердца»*, когда готовила обед (признаться, из тех лет Лени запомнилось лишь то, как мама танцевала).

Потом отца забрали в армию, отправили во Вьетнам, он был ранен, попал в плен. Без него мама совсем растерялась. Тогда-то Лени и поняла, до чего та слаба. Некоторое время мама меняла работы, они с Лени кочевали из города в город, пока не осели в коммуне хиппи в Орегоне. Там они работали на пасеке, шили мешочки с лавандой, которые продавали на местном рынке, и участвовали в антивоенных демонстрациях. Мама отчасти переняла повадки хиппи — ровно настолько, чтобы вписаться в коммуну.

Когда папа наконец вернулся домой, Лени его едва узнала. Из веселого красавца, которым она его запомнила, он превратился в угрюмого и злого брюзгу. Коммуна пришлась ему не по душе, и они переехали. Потом еще раз переехали. И еще раз. Его вечно что-то не устраивало.

Его мучила бессонница, он не задерживался ни на одной работе, хотя мама твердила, что лучшего механика не найти.

Вот и сегодня утром они ругались из-за того, что отца опять уволили.

Лени накинула капюшон. По дороге в школу она проходила мимо ухоженных домов, темных рощиц («держишься от них подальше»), кафе быстрого питания, где по выходным собирались старшеклассники, бензоколонки, куда выстроилась длинная очередь из автомобилей, чтобы заправить бак по пятьдесят пять центов за галлон. Вот что всех раздражало в ту пору: цены на бензин.

* «Частичка моего сердца» (*Piece of My Heart*) — популярная песня, которую впервые исполнила в 1967 г. Эрма Франклин, а через год — Дженис Джоплин.

Взрослых вообще все бесит, думала Лени. Война во Вьетнаме расколола страну. Каждый день, как ни развернешь газету, наткнешься на статью об очередном взрыве, устроенном «Синоптиками»* или ИРА. То самолет угонят, то Патти Херст** похитят. Теракт во время Олимпиады в Мюнхене и Уотергейтский скандал потрясли мир. А недавно в штате Вашингтон стали бесследно пропадать студентки. Мир полон опасностей.

Как же Лени хотелось, чтобы у нее был настоящий друг. Ей так нужно с кем-то поговорить.

Хотя что толку? Разговорами делу не поможешь. К чему тогда беседы по душам?

Ну да, папа частенько раздражается, кричит, они вечно сидят без денег и переезжают с места на место, чтобы улизнуть от кредиторов. Что поделаться, такая жизнь. Главное — они любят друг друга.

И все же порой, особенно в такие дни, как этот, Лени от страха не находила себе места. Ей казалось, будто их семья стоит на краю высокого утеса, который того и гляди рухнет, как те дома, что увлекает за собой оползень на затопленных склонах Сиэтла.

* * *

После уроков Лени шла домой под дождем.

Они жили в переулке, который оканчивался тупиком. Участок по сравнению с соседскими выглядел неухоженно: длинный темно-коричневый одноэтажный дом с пологой крышей, цветочные кадки пусты, водосточные трубы забиты дрянью, дверь гаража не закрывается. Преющая серая гонтовая крыша поросла пучками сорняков. Укоризненно торчит пустой флагшток, точно в знак папиной ненависти к тому, куда катится Америка. Мама называет папу патриотом, хотя он терпеть не может правительство.

Отец сидел в гараже на расшатанном верстаке возле помятого мамино «мустанга» с заклеенной скотчем крышей.

* «Синоптики» (*Weatherman*) — леворадикальная террористическая группировка, которая действовала в США в 1969—1977 гг.

** Патрисия Кэмпбелл Херст (р. 1954) — внучка Уильяма Рэндольфа Херста, миллиардера и газетного магната.

Вдоль стен громоздились картонные коробки с вещами, которые они так и не разобрали с тех пор, как переехали сюда.

Отец, как обычно, был в потрепанной камуфляжной куртке и драных джинсах. Он сидел, облокотившись на колени. Длинные черные волосы спутались, усы давно пора подравнивать. Босые ноги в грязи. Но даже вот такой, изнуренный, ссутулившийся, он был красив, как кинозвезда. Все так говорили.

Отец наклонил голову, так что волосы упали на глаза, взглянул на Лени и улыбнулся устало, но все равно тепло. Такой уж он человек: вспыльчивый, неуравновешенный, порой даже страшно делается, но это все потому, что он острее прочих чувствует боль, разочарование и любовь. Особенно любовь.

— Ленора, — голос у папы хриплый, как у заядлого курильщика, — а я тебя жду. Прости меня, пожалуйста. Сорвался. И вылетел с работы. Ты, наверно, чертовски злишься на меня.

— Ну что ты, пап, вовсе нет.

Лени знала, что папе и правда стыдно. Видела по лицу. Раньше она гадала: что толку извиняться, если все равно ничего не меняется? Но мама объяснила ей, что война и плен сломали отца. «Ему как будто хребет перебили, — сказала мама. — Но если любишь человека, то любим — и больным, и здоровым. Просто сейчас мы должны быть сильнее, чтобы он мог на нас опереться. Ему нужна моя поддержка. И твоя тоже».

Лени уселась рядом с отцом. Он обнял ее, прижал к себе.

— Миром правят идиоты. Это уже не моя Америка. Я хочу... — Он осекся.

Лени ничего не сказала. Она привыкла к тому, что папа всегда измучен и грустит. Он постоянно обрывал фразы на середине, словно боялся признаться в том, что его печалило и пугало. Лени понимала причину таких недомолвок: порой действительно лучше промолчать.

Отец вытащил из кармана мятую пачку сигарет, закурил, и Лени вдохнула привычный едкий дым.

Она знала, как больно отцу. Иногда она просыпалась и слышала, что папа плачет, а мама его успокаивает: «Тсс, Эрнт, не надо, не вспоминай, все позади, ты дома, ты в безопасности».

Папа покачал головой, выпустил струйку сизого дыма.

— Наверно, мне просто... этого мало. Мне не работа новая нужна. А жизнь. Чтобы идти по улице и не бояться, что меня обзовут «убийцей детишек». Чтобы... — Отец вздохнул. Улыбнулся. — Ладно, не обращай внимания. Все будет хорошо. Все у нас будет хорошо.

— Да найдешь ты другую работу, — успокоила его Лени.

— Куда же я денусь, Рыжик, конечно, найду. Завтра будет лучше.

Родители всегда так говорили.

* * *

Холодным унылым утром в середине апреля Лени проснулась рано, перебралась в гостиную на привычное место на дряхлом диване в цветочек и включила программу «Сегодня». Поправила рога антенны, чтобы изображение не скакало. Наконец на экране появилась Барбара Уолтерс и проговорила:

— ...на этой фотографии Патрисия Херст, которая теперь называет себя Таней, держит карабин М1 во время недавнего ограбления банка в Сан-Франциско. Свидетели сообщают, что девятнадцатилетняя внучка газетного магната, похищенная в феврале Симбионистской армией освобождения...*

Лени онемела. Ей до сих пор не верилось, что члены радикальной группировки могут вот так запросто вломиться в дом и похитить девушку. Получается, никто в этом мире ни от чего не застрахован? И как так вышло, что наследница миллиардного состояния стала революционеркой по имени Таня?

— Лени, собирайся, — сказала с кухни мама. — Тебе в школу пора.

Входная дверь со стуком распахнулась.

Вошел отец и улыбнулся так заразительно, что невозможно было не улыбнуться в ответ. Он казался сказочным великаном, которому тесно в кухоньке с низким потолком. Серые стены в потеках лишь подчеркивали его силу и бодрость. С волос его капала вода.

Мама у плиты жарила к завтраку бекон.

* Симбионистская армия освобождения — леворадикальная организация, действовавшая в США с 1973 по 1975 г.

Папа влетел на кухню и включил транзистор, стоявший на крытом формайкой столе. Из динамика донесся хриплый рок. Папа рассмеялся и обнял маму.

Лени услышала, как он прошептал:

— Прости. Прости меня, пожалуйста.

— Ну конечно. — Мама обняла его так, словно боялась, что он ее оттолкнет.

Папа обхватил маму за талию, подвел к столу, выдвинул стул и крикнул:

— Лени, иди-ка сюда!

Она любила, когда родители звали ее к себе. Лени слезла с дивана и уселась рядом с мамой. Папа улыбнулся и протянул ей книжку в бумажной обложке. «Зов предков»*.

— На, Рыжик, тебе понравится.

Он сел напротив мамы и придвинулся к столу. По папиному лицу Лени поняла: он опять что-то задумал. Ей и прежде доводилось видеть у него такое выражение лица — каждый раз, когда папа планировал изменить жизнь. Планов этих было не счесть: продать все, год путешествовать по шоссе вдоль океана в Биг-Сур и жить в палатке. Разводить норок (вот это был полный ужас). Продавать элитные семена в Центральной Калифорнии.

Отец выудил из кармана сложенный лист бумаги и с победным видом припечатал его ладонью к столу.

— Помнишь Бо Харлана, моего друга? — спросил он маму.

Мама задумалась.

— Из Вьетнама? — наконец уточнила она.

Папа кивнул и пояснил Лени:

— Бо Харлан был командиром экипажа, а я стрелком. Мы всегда друг друга прикрывали. Потом нашу вертушку подбили, а нас взяли в плен. Мы с ним прошли огонь и воду.

Лени заметила, что отца бьет дрожь. Закатанные рукава рубашки открывали следы от ожогов, тянувшиеся от кистей к локтям, морщинистые уродливые бледно-лиловые шрамы, которые никогда не загорали. Лени не знала, как отец их получил; она не спрашивала, а он не рассказывал. Но совершенно ясно, что в плену. Лени сама догадалась. Спина у отца тоже морщижилась паутиной шрамов.

* «Зов предков» — роман Джека Лондона.

— Они убивали его у меня на глазах, — сказал отец.

Лени встревоженно посмотрела на маму. Папа обычно о таком не рассказывал. И сейчас обе с испугом слушали его.

Отец притопнул ногой и побарабанил пальцами по столу. Развернул письмо, разгладил бумагу, чтобы Лени с мамой могли прочесть написанное.

Сержант Олбрайт,

Нелегко же вас отыскать. Меня зовут Эрл Харлан.

Мой сын Бо не раз писал, что вы с ним дружили. Спасибо вам за это.

В последнем своем письме он велел, если с ним что-нибудь случится в этом гребаном Вьетнаме, передать вам его участок на Аляске.

Участок небольшой. Сорок акров земли с развалюхой. Но если вы не боитесь работы, то здесь можно неплохо устроиться: кормиться тем, что дает земля, вдалеке от всяких придурков, хиппи и того бардака, который творится в прочих штатах.

Телефона у меня нету, так что пишите до востребования на адрес почты в Хомере. Рано или поздно я обязательно получу ваше письмо.

Участок расположен в самом конце дороги. Проезжаете мимо серебристой калитки с коровьим черепом, и там, не доезжая горелого дерева, начиная от милевого столба с номером «13», будет ваша земля.

Эрл

Мама по-птичьи наклонила голову и уставилась на отца:

— То есть этот, как его... Бо завещал нам дом? Настоящий дом?

— Представляешь, наш собственный дом. — Папа взволнованно вскочил со стула. — Дом, который принадлежит нам. Где можно ни от кого не зависеть, выращивать овощи, охотиться, жить свободно. Мы ведь так давно об этом мечтали, правда, Кора? Жить простой жизнью подальше от всего этого здешнего бреда. Там мы будем свободны. Ты только подумай!

— Погоди, — подала голос Лени. Все же это слишком даже для отца. — Аляска? Ты что, снова хочешь переехать? Мы же только что перебрались сюда.

Мама нахмурилась:

— Там ведь... ничего нет? Только медведи да эскимосы?

Отец встал, подошел к маме, рывком поднял ее на ноги, так что она пошатнулась и упала на него. От Лени не укрылось, что за папиным восторгом сквозило отчаяние.

— Мне это необходимо. Мне нужно место, где я снова смогу дышать. А здесь мне все кажется, что я того и гляди выползу из собственной шкуры. Там мои кошмары прекратятся, я наконец забуду обо всем. Я это точно знаю. Это нужно нам. Там все будет, как до Вьетнама.

Мама взглянула на отца. Ее бледность так резко контрастировала с его смуглой кожей и черными волосами.

— Подумай сама, — уговаривал отец.

Лени видела, как мама смягчается, как старается приспособить собственные желания к папиным, представить себе, каково это — жить на Аляске. Наверно, ей кажется, что это сродни семинарам по групповой психотерапии, йоге или буддизму. Ответ на вечные вопросы. Маме неважно, что, где и как. Маме нужен только папа.

— Наш собственный дом, — проговорила она. — Но... откуда же у нас деньги... может, тебе подать на инвалидность...

— Не начинай, — вздохнул отец. — Не буду я подавать. Я просто хочу жить по-другому. И я тебе обещаю, что научусь считать деньги. Клянусь. У меня еще кое-что осталось от моего старика. Пить стану меньше. И если ты так хочешь, даже начну ходить в группу поддержки для ветеранов.

Лени прекрасно знала, чем все кончится. Все равно, чего хочет она или мама.

Папа мечтает начать новую жизнь. Ему это нужно. А маме главное, чтобы он был счастлив.

Значит, они переедут на новое место в надежде, что на этот раз все получится. Они поедут на Аляску за новой мечтой. Лени сделает все, о чем попросят, причем с радостью. Опять пойдет в новую школу. Что поделывать, такова любовь.